

18+

Владислав Григорьев

ДЕТСТВО, ШКОЛА, ИНСТИТУТ

Воспоминания

Владислав Анатольевич Григорьев

Детство, школа, институт. Воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73112698

ISBN 9785006891449

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Воспоминания охватывают период с 1944 года по 2009 год. За это время автор прошел путь от ученика спецшколы №1 МОСГОРОНО до заведующего кафедрой МИФИ, пройдя последовательно все ступени карьеры. Занимался проблемами физики твердого тела, космофизики, физики элементарных частиц. Участник международных экспериментов Gamma-1 (СССР-Франция), STAR (США), ATLAS, ALICE (CERN, Женева).

Содержание

НЕМНОГО ИСТОРИИ	7
КАФЕДРА	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Детство, школа, институт Воспоминания

**Владислав
Анатольевич Григорьев**

© Владислав Анатольевич Григорьев, 2025

ISBN 978-5-0068-9144-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Все получилось случайно. К юбилею кафедры, которой в 2019 г. исполняется 70 лет, я задумал (и написал) сравнительно короткие воспоминания о тех годах, о которых кроме меня да Ильи Ободовского, находящегося то ли в Германии, то ли в США, больше никто помнить не может – все ныне живущие пришли на кафедру позже. Быстро написав задуманное, я уже не мог остановиться, и продолжал писать о своей дальнейшей жизни на кафедре. Получилась некоторая раздвоенность. В первой части этих воспоминаний я был скорее не участником, а наблюдателем. Конечно, знал я тогда, а сейчас тем более, немного, но писал о том, что знал. Чем дальше, тем заметнее становилась моя роль в описываемых событиях, и в конце концов, получилось, что я как бы

написал свою служебную биографию. Я рассказал об этом своим близким. Они (особенно моя невестка Светлана большая) * отнеслись к этому с большим энтузиазмом. И я подумал, раз у меня что-то получается, почему бы не продолжить эту затею. На 70 страницах я описывал свою работу. А детство, школа, институт? А семейная жизнь?

В дворянских семьях, особенно в древних родах, скрупулезно записывают жизнь и карьеру каждого отпрыска. А в крестьянских? А в мещанских? В этих семьях, как правило, нет выдающихся представителей, прославивших свой род. Да лет 150 назад многие и писать то не умели. А ведь все же неплохо знать свои корни, историю своей семьи. Все это вместе взятое плюс то, что мне понравилось писать, меня увлекло, подвигло меня продолжить эту работу. Вот только начал писать я с середины, и переписывать не стал бы и под пистолетом. Поэтому я решил так: пусть мои воспоминания состоят из трех частей. Я их так и решил назвать. 1 – детство, школа, институт, 2 – кафедра, 3 – семья. Вторую часть я оборвал 2009 годом, когда я ушел с должности заведующего кафедрой. Сейчас идет 2019 год, мне 79 лет. Однако это последнее десятилетие уже не интересно даже мне самому. Что можно вспомнить, кроме болезней? Посмотрим, возможно, кое-что наскребется для третьей части и в это десятилетие, но пока до этого так далеко...

Как жаль сейчас, что в детстве я не записывал рассказов о своей жизни бабушек и дедушек, папы и мамы. А кто это

делает? Да никто. Историю знаменитых семей пишут историографы. А история наших простых семей, хорошо, если заканчивается прабабушками – прадедушками. Ну что же, буду писать о том, что наскреблось по сусекам памяти.

** В нашей семье сразу три Светланы – моя жена Светлана Анатольевна (я пишу ее отчество, чтобы все-таки выделить из остальных), Светлана большая – жена старшего сына, и Светлана маленькая – жена младшего. Она уже тоже очень не маленькая, но так уж повелось – по крайней мере у меня и у жены).*

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Уж чуть ли не тридцать лет назад моей дальней родственнице Тане Транквиллицкой пришло в голову составить генеалогическое дерево семьи Григорьевых. Далеко ей продвинуться не удалось. Дерево, точнее, наша ветвь, начинается с моего прадеда Поликарпа, о котором известно только, что он был мясником и жил в Краснодаре. О моем деде Дмитрие Поликарповиче я знаю побольше, но не слишком много. В молодости он был рабочим – печатником, наборщиком, то есть среди рабочих человеком довольно грамотным. Кроме того, он был тем, кого сейчас называют «диссидентом». Он был участником революции 1905 г., за что был сослан на четыре года в ссылку на Виллой. Из этой ссылки он привез зуб мамонта, два интереснейших кристалла минерала «везувиан» и набор шахмат, выточенных из бивня мамонта. От этого богатства у меня и сейчас есть набор шахмат, но неполный – часть утеряна. После возвращения он женился (год я не знаю) на Анне Федоровне Кравцовой, дочери рыбака из Темрюка. В 1918 году родился мой отец – Анатолий Дмитриевич. Я продолжу описание этой семьи – к сожалению, это не займет много места. Про деда я знаю немного, хотя, когда он умер, мне уж было 14 лет. Знаю, что в 1918 году он был арестован белыми и его буквально назавтра должны были расстрелять. Но не успели – город взяла конница Кочу-

бея. В 1918 году он вступил в партию большевиков. Когда я спрашивал его, почему он не сделал этого раньше, он отвечал: «А там были одни босяки». Дальше я знаю совсем мало. Вроде бы одно время он был директором завода, но потом его сняли. С поступлением моего отца в МГУ и дальнейшей учебе в училище МВД (или МГБ?) они с Анной Федоровной перебрались в Москву, получили комнату на углу Поварской улицы и Большого Ржевского переулка. В Москве он снова работал наборщиком в типографии «Красный Пролетарий». Умер он через год после смерти Сталина, в 1954 г.

Несомненно, дед меня любил. Будучи еще школьником младших классов, я уговорил деда отнести зуб мамонта в исторический музей. Они его с благодарностью взяли, поместили на витрине с надписью «дар ученика Григорьева». Несколько лет он там лежал – я ходил посмотреть – а потом куда-то исчез. Зачем я это сделал? Впрочем, дома от него толку было бы не больше. История с «везувианом» была тоже по-своему интересна. Я о ней расскажу чуть позже.

Занятный он был дед. Маленького роста. Подвижный, суетной. Увлекался фотографией, у него был фотоаппарат «фотокор», снимавший на фотопластинки. Когда он нас фотографировал, то расставлял в чудовищно нелепых и неестественных позах. Кое-какие его фотографии у меня до сих пор сохранились. Он был глубоко убежден, что жизнь его сына (моего отца) должна быть подчинена ему. Моя мама придерживалась прямо противоположного мнения. В молодости

она с ним воевала. Рассказывала мне, что в первой комнате, которую они с отцом получили, дед чувствовал себя хозяином. У него были свои ключи, он являлся туда, когда хотел. И располагался, не раздеваясь и даже не снимая сапог, на супружеской кровати. Мама терпела это недолго – взяла, да и сменила замок. Дед попрыгал возле двери, да попасть туда не смог. Позже, уже после войны, было заведено, что оба больших праздника – 7 ноября и 1-е Мая – мы проводили вместе, либо у них на Поварской, либо у нас на Преображенке. Чаше у них. У них комната была большая, с выгородкой для кровати, и мы обычно оставались ночевать. А у нас было негде. Комната на Поварской в большой коммунальной квартире двухэтажного дома раньше была проходной. Чтобы соседи могли ходить к себе, не тревожа деда с бабушкой, был сооружен тамбур (благо обе двери находились рядом) из досок, солидный и крашенный. Высота потолка в комнате была не меньше трех метров, тамбур до потолка не доходил. И на нем было довольно большое пространство, которое называлось «полати». Я страшно любил туда залезать и там играл. Там и спал, если мы оставались на ночь. Я очень любил ездить к ним в гости. С Арбатской площади хорошо был виден праздничный салют (а на Преображенке его не было видно), вызывавший у меня неизменный восторг. Да еще в небе появлялся гигантский портрет Сталина!! Кроме того, у деда был целый стол типографских отходов – полоски бумаги, картона, коленкора, в которых я страшно любил рыться.

Изредка и они приезжали к нам. Обычно в гости приходили и друзья родителей Гришуновы. В один из праздников случилась беда. Когда отец стоял у стола, я взял для чего-то стоявший за ним стул. Я пару раз дергал отца за рукав и говорил ему, что беру стул. Но он был уже под «мухой» и внимания на меня не обратил. В общем, стул я унес, а отец сел на место, где раньше был стул, и ударился головой об батарею. Видимо, приложился он сильно. Меня наказали, не слушая моих объяснений. То, что отец сильно ударился, произвело на меня такое впечатление, что я и сейчас помню все с почти фотографической точностью.

Интересна биография моей бабушки Анны Федоровны. После рождения сына в 1918 г. она пошла учиться. Окончила сначала рабфак, затем Краснодарский медицинский институт. Училась по ночам, забравшись под стол с настольной лампой и накрыв стол одеялом. По окончании института была брошена на вспышку чумы, разразившейся где-то неподалеку. Выжила. Вспоминала голод 30-х годов, когда в Краснодаре, почти не скрываясь, ели человечину. В Москве всю жизнь проработала участковым педиатром, вплоть до своей болезни, случившейся в 1965 г. За безупречную работу ей было присвоено звание «Заслуженный работник здравоохранения». После тяжелого инсульта она уже не работала. Умерла в 1978г. Это краткая биография. Я еще вернусь к ним обоим уже в своей биографии.

О деде и бабушке по матери я знаю и того меньше. Знаю,

что дед Михаил Левашов был из кировских мещан. Был он мужик грамотный, умный. Предприимчивый. В годы НЭПа они жили неплохо, у деда была лавка, он торговал антиквариатом. В тридцатые годы имущество конфисковали. Дед, не дожидаясь ареста, ударился в бег. Видимо, убежал он недалеко. Арестовали и посадили бабушку Анну Никитичну. Тогда дед вернулся, его посадили, а бабушку выпустили. Дальше – полный пробел в информации. Бабушка (родом из Котельнича) зачем-то оказалась в Мурманске, но ненадолго. Дед, когда его выпустили, к бабушке не вернулся, а уехал на юг, сначала в Краснодар, а затем осел в Майкопе. У Левашовых было двое детей – старший сын Борис и младшая дочь – моя мать Алевтина, родившаяся в 1920 году. После бегства отца жили они тяжело, хотя дед очень любил дочь и, видимо, семье помогал. Так или иначе, но в 1938 году мама по вызову своего отца приехала в Краснодар, где познакомилась с моим отцом Анатолием, приехавшим к родителям в отпуск, и быстро вышла за него замуж – 1 июля 1939 года.

Отдав должное дедам и бабушкам, можно кое-что написать и о родителях. Отец Анатолий Дмитриевич окончил школу с золотой медалью и в 1937 году поступил в МГУ на физфак. Мечтал стать физиком. Отучился первый курс. В марте 1938 г. по комсомольскому призыву его забрали в училище МГБ как сына старого большевика. После большой чистки 1937 г. в МГБ сильно не хватало кадров – вот его и забрали. Обучение было ускоренным – через год он по-

лучил звание младшего лейтенанта и был направлен в центральный аппарат МГБ на Лубянке. Это ускоренное обучение потом ему аукнулось – из-за отсутствия высшего образования в 50-е годы ему не присвоили звание генерала, на которое он мог рассчитывать по занимаемой должности. В 1939—40 гг. отец был командирован в Прибалтику для борьбы с антисоветскими партизанами – лесными братьями. Это была уже третья группа – две предыдущих не вернулись. К счастью отец вернулся. Все эти перипетии он позже описал в своих книгах – от командировки в Прибалтику и, практически, до отставки. Поэтому я все это пересказывать не буду. При этом надо учесть два обстоятельства. Первое – приученный молчать, он о своей работе практически ничего не рассказывал. Второе – в своих книгах он ничего не приоткрыл, но многие события переставлены, смещены, иначе никто бы ему публиковаться не разрешил. Поэтому понять из его книг, когда, с кем и что произошло, довольно трудно.

Мама отучилась в училище на зубного техника всего один год. На втором году обучения она вышла замуж, а в мае 1940 года родился я. А потом началась война.

Вот, после этого, не такого уж длинного вступления, я могу приступить и к собственной биографии. Когда и как я родился – я не помню. Первые смутные воспоминания – очень, очень смутные – начинаются лет с трех, а может и четырех. Осенью 1941 г., когда немец подошел к Москве, мы были эвакуированы в г. Оса – я, мама, дед Григорьев, обе бабуш-

ки. Но отделить истинные воспоминания от рассказов обо мне моих бабушек невозможно, да и рассказывать особенно нечего. Мама быстро, как только отец пробил разрешение, вернулась в Москву уже в конце 1942. Она всегда была женщиной мудрой, и понимала, что оставлять надолго мужика без жены чревато. А ведь когда она меня родила, ей было всего 20 лет! Отец устроил ее на работу в ТАСС редактором. Грамотность у нее была абсолютная. В ТАСС она всегда была в курсе всех главных и свежих новостей, но меня это, конечно, никак не волновало. Я не могу сказать точно, когда мы вернулись из эвакуации, но думаю, что не позже 1944 года. Я сужу по тому, что лет в пять бабушка Анна Никитична уже выучила меня читать по магазинным вывескам.

Во избежание путаницы скажу, что бабушку Анну Никитичну мама выписала к себе еще до войны, и она всю оставшуюся жизнь прожила с нами. Отец, видимо, не возражал, да тогда все жили в жуткой по сегодняшним дням тесноте. Бабушка научила меня называть вторую бабушку Анну Федоровну «бабусей». Для меня, привыкшего к этим названиям с малолетства, в слове «бабуся» не было никакой специальной ласки, уменьшительности и т. п. Наоборот, мне казалось вполне естественным, что две разных бабушки и называются по-разному. Слово «бабуся» стало нарицательным для всех членов семьи. Дальше я ее так и буду называть без всяких кавычек. Сначала читателям это может показаться странным, но потом и вы привыкнете.

В каком-то смысле меня воспитала бабушка Анна Никитична. Особенно это сильно сказывалось в детстве. Бабушка была не слишком образована, писала с ошибками, но не грубыми. В годы эвакуации я был практически целиком на ней. Когда вернулись в Москву, мама сначала работала, а потом родился брат Женя, и естественно, она больше занималась младенцем. А я был ребенком довольно спокойным. Не шkodливым. На ночь бабушка рассказывала мне сказки. Я самих сказок уж не помню, а названия запомнил на всю жизнь: «Страх Железные Зубы» и «Три волоска черта». Наверное, они есть в каких ни будь сборниках, но в книжках моих детей я ничего подобного не нашел. Кроме того, бабушка знала громадное количество присказок на все случаи жизни. Большинство из них довольно грубоваты, да я многое и забыл, но вот одна прилепилась ко всей моей семье и приговаривалась, если кто-то жаловался на головную боль: «Голова – не ж.. Завяжи да лежи». Я думаю, что эти присказки – особый слой русской устной культуры, крестьянской или мещанской. Они практически все грубоватые, но не матерные. Бабушка ведь не сама их придумала! В Москве я ни от кого ничего подобного не слышал. Но Котельнич от Москвы так далеко...

Кстати, свои присказки были и у бабуси. Говорила она на чистом русском языке, а вот присказки все были на «суржике». Например: «Бачилы очи шо куповалы? Иште хучь по-вылазьте!». Все это говорилось с таким акцентом, подражать

которому было невозможно. Им надо обладать с детства.

Жили мы в огромном (14 подъездов) доме МГБ на Преображенской площади. Первые детские впечатления от Московской жизни – это бесконечные очереди. Стояли мы с бабушкой (давали на двоих!) почти ежедневно – за мылом, за сахаром, за мукой, за яйцами. В общем – то практически за всем. Очереди растягивались на много кварталов, чернильным карандашом на руке писался номер, и мы, мальчишки и девчонки, не уходя от очереди далеко, играли в салочки, в штандер и что-то еще столь же простое. Никаких тебе футболов – мячей-то не было. Так продолжалось до тех пор, пока в 1947 году я не пошел в школу.

В нашей квартире на 6-м этаже жило две семьи – наша и Суровцевых. У нас была комната метров 16 и еще комнатуха площадью 6 кв. м. В шестиметровке помещались я и бабушка. Родители жили в другой комнате, но недолго они оставались одни. В 1946 году родился мой брат Женя, и уединение родителей закончилось. Как жили Суровцевы, и представить себе трудно. Комната у них была побольше, метров 20 квадратных, а может и все 25. Но в одной комнате жили: мать Ольга Алексеевна – врач; отец Яков Григорьевич – сотрудник МГБ (милицейской части); трое детей – Вова – мой ровесник, Аня – на два года младше, и Женя – ровесник нашего Жени. И еще бабушка Олимпиада Ивановна. Кроме того, поскольку Ольга Алексеевна работала, они нанимали домработницу – деревенскую девушку. Девушки

менялись. То домработница тоже жила с ними, то спала в нашем чулане, куда втискивалась раскладушка. У Суровцевых тоже был чулан, но поменьше, туда раскладушка не влезала. Естественно, что все свободное время дети проводили в общей прихожей. Как ни странно, при такой тесноте между нами и Суровцевыми ссор практически не было. Более того, когда в середине 50-х мы разъехались по разным квартирам в разных концах Москвы, родители продолжали дружить и время от времени встречались. Дружили между собой и оба Жени.

Жили мы очень скудно. Я, конечно, не голодал, но не более того. Ведь вся семья жила на отцовскую зарплату, а когда родился Женя, ртов прибавилось, а денег убавилось – мама ушла из ТАСС. Очень хорошо помню, как в день получки отца мама покупала 100 грамм тонко нарезанной любительской колбасы. Это было так вкусно! Как-то кто-то из родни (у отца было много родни в Краснодаре и Ростове, но я их никого не знал) привез нам дыню. Для меня это был диковинный заморский фрукт, я решительно отказывался его есть, даже не попробовал. Игрушек у меня тоже не было. Наверное, все же что-то было, но я их не помню. Зато я с детства любил мастерить. До сих пор помню свое первое изделие – маленькую, кривую и неустойчивую скамеечку. Зачем я ее сделал – не знаю. Когда стал постарше – мастерил себе хоккейные клюшки, ракетки для настольного тенниса, что-то еще. Подарков от родителей я практически не пом-

ню – кроме книг. На день рождения мне дарилась не просто книга, а эксклюзивное издание. Они у меня все хранятся. Я на днях заглянул в шкаф и специально посмотрел одну – «Малахитовая шкатулка», П. Бажов. Толстенная книга необычно большого формата с толстой обложкой с трехцветным тиснением и вклеенными отдельно иллюстрациями. 1949 год. Тираж не указан. Подобная книга дарилась на день рождения ежегодно.

А вообще-то дорогие подарки мне дарили (тоже на день рождения) дед Григорьев и бабуся. В 1946 г. (я помню этот год, потому что мама гуляла с Женей в коляске, а я учился кататься) дед и бабуся подарили мне двухколесный велосипед!! От волнения я упал в обморок, сильно напугав этим родных. Первые волнения прошли, надо учиться кататься. Учился я так: вдоль нашего длинного дома вниз к Язу шла асфальтированная, довольно широкая дорожка. Я спускался сверху вниз, сначала не ставя ноги на педали, а подстраховываясь от падения, но постепенно научился и педали крутить. Мама в это время гуляла с Женей сверху дорожки, обычно беседуя с подругами. Несколькими годами позже дед с бабусей подарили мне лыжный костюм. Мой восторг невозможно описать! Темнозеленый – штаны и куртка, причем штаны были изготовлены в виде широких шаровар с резинкой на щиколотке. С начесом. В общем – неопишуемый восторг! Интересно, какой идиот додумался сделать этот костюм из ткани, не просто не отталкивающей влагу, а впитывающей.

вающей ее как губка. При движении по снегу низ штанов намокал так, что штаны сползали.

Наш дом располагался вдоль крутого подъема от Яузы к Преображенской площади. За ним метрах в 300-х шла Яуза. В те годы Яуза была гораздо полноводнее. Каждый год весной она разливалась. В какой-то год (после 1945, но не позже 1950) Яуза разлилась так, что полностью залила Матросский мост, идущий через Яузу и, соответственно, трамвайные пути вдоль Стромынки к Сокольникам. Отцу пришлось на работу ездить в объезд – от Преображенской заставы к станции метро «Сталинская» (по-моему, сейчас «Семеновская»). Сейчас русло Яузы идет в этом месте немного иначе, чем в 1946—47 гг. В пойме Яузы вблизи моста напротив нашего дома был небольшой, но очень глубокий прудик. Там никто не купался – на дне было полно железа. Однажды там утонул мальчик. Водолазы искали его, порвали костюм об железо, на мальчика так и не нашли. Потом русло спрямили, оно захватило и прудик. Но в 1947 г., в дни 700-летия Москвы, именно на этом прудике был выстроен ботик Петра Великого. На Яузу мне ходить категорически запрещалось – ни зимой, ни летом. Но однажды приятель все же меня уговорил – мне было 6 лет – пойти на Яузу на противоположный берег, где стоял какой-то заводик. Цель была – насобирать металлических кружочков, за которые, по его уверениям, можно было получить какие-то деньги. Была весна, но лед еще не тронулся. У берега стояли су-

гробы, под которыми хлюпала вода. Никаких кружочков я не нашел, но валенки вымокли почти до колена. Я вернулся в наш двор и час-другой «обсыхал». Высохнуть не удалось, и я поплелся домой. Мама, увидев меня в таком виде, плакала и лупила меня мокрым валенком. Как ни странно, я даже не простудился. Может быть, помог «массаж»?

Двор у нас был большой, всех ребят мы не знали, а только из ближайших подъездов. В хорошую погоду гуляли долго – и утром, и вечером. Играли в те же простые игры, разве что прибавился «чижик» и казаки-разбойники. Зимой воевали с «орионцами». Это были дети из соседнего дома, в котором находился кинотеатр «Орион». Война состояла в том, что через деревянный забор, разделявший два двора, на голову «противника» кидались катыши из снега. Было весело, и никаких членовредительств при этом не происходило. За большим и длинным двором нашего дома начинались огороды частных владельцев. Были ли там и какие-то домишки – я не помню. Помню только, что ребята постарше бегали туда воровать капусту и угощали нас, малышей. Было очень вкусно!

Вообще, Преображенская площадь, а проще «Преображенка» – место историческое. Там создавались потешные полки Петра 1. Магазин, в который мы с бабушкой ходили стоять в очередях, располагался на улице «Девятая рота». Чуть подалее, за Преображенской заставой, располагался Преображенский рынок. Он был целиком расположен внут-

ри территории старинного монастыря с большими каменными стенами и башнями. Я водил туда жену после свадьбы – еще кое-что оставалось. Несколько лет назад после похорон моего двоюродного брата Виталика (он похоронен на Преображенском кладбище в могиле своего отца и бабушки) Женья, мой старший сын, с женой, и я с женой зашли на рынок. Мало что от него осталось, только пара башен. А тогда это было загадочное место. Сразу за рынком располагалось село «Черкизово», а рядом – «Богородское». В те годы там располагались известные воровские притоны Москвы. Мы слышали об этом, но на нашей жизни это никак не отражалось.

В 1945 году вдруг объявился дед Левашов. Он приехал в Москву проездом после демобилизации. В начале войны он в армию не попал по возрасту, но после освобождения Майкопа от фашистов в 1943 году был мобилизован. И вот после ранения он объявился у нас. Прожил он у нас немного – несколько дней, но оставил о себе очень яркие воспоминания. Как раз в эти дни отец получил паек, в котором были очень соленые и очень ржавые селедки. У нас никто их есть не стал. А дед не растерялся – он наделал бутербродов с черным хлебом и пошел ими торговать к пивной напротив. Бутерброды мгновенно разошлись. Этот эпизод я помню очень ярко, а больше и вспомнить нечего – он уехал в Майкоп. Еще раз он объявился у нас в 1961 году. Но об этом позже.

У папы была двоюродная сестра Нонна. Жила она по неизвестным мне причинам у деда и бабуся Григорьевых.

Мама с ней дружила, хотя Нонна была моложе мамы на пару лет. Она была с нами в эвакуации. После войны работала художницей на какой-то фабрике шелковых головных платков. Она их расписывала, руководствуясь собственной фантазией. Вообще, у нее был, по-видимому, художественный талант. У Нонны появились женихи. Первым объявился парень – герой Советского Союза с золотой звездой на груди. Мой отец почувствовал что-то не то, и вскоре этого жениха арестовали прямо в нашей квартире. Оказалось – аферист. Потом появился Борис Андреевич Тюрин – бывший морячок, заканчивающий Институт Инженеров железнодорожного транспорта. Они с Нонной поженились еще до его окончания института, и мама – добрая душа – пустила их жить в шестиметровку, забрав оттуда нас с бабушкой. Он закончил институт, и они уехали по распределению в Измаил.

Еще одно очень яркое воспоминание детства – это детские утренники в кинотеатре «Орион». Они начинались в 9.00 по воскресеньям. Перед каким-то очередным фильмом в фойе устраивали небольшой концерт. Перед фильмом обязательно показывали выпуск «Новости дня», реже – мультик. В общем, масса удовольствия. На нашей лестничной площадке было две квартиры. Вторая напротив нашей. В ней жили тоже две семьи с детьми. К сожалению, я уже не помню ни имен, ни фамилий. В одной из семей был эпидиаскоп – чудо из чудес. И несколько диафильмов. По-моему, коллекция не пополнялась, но нам это и не было нуж-

но. Раз в несколько месяцев нас – меня и Вову Суровцева приглашали на сеанс. Я до сих пор помню диафильм, который мог смотреть подряд по многу раз – о спуске в батисфере в океанские глубины и о чудовищных рыбах, обитавших на этих глубинах. Это было даже интереснее детского утренника. Нас приглашениями не баловали, и каждый сеанс мы смотрели этот диафильм как бы впервые.

Господи, как хорошо было в детстве! Никаких тебе проблем. Правда, я завидовал Вове Суровцеву, которому купили сначала настоящие коньки (гаги) с ботинками, а потом и лыжи с ботинками. Считалось, что у него слабые легкие, и ему надо много бывать на воздухе. У меня же были «снегурки», привинчиваемые к валенкам, и лыжи с простой петлей для валенок. Позже, правда, у меня тоже появился вполне приличный спортивный инвентарь.

Бабушки, пожалуй, любили меня больше, чем Женю, мама относилась к обоим абсолютно одинаково, а отец больше любил Женю. Я понял это уже будучи юношей, и меня это не огорчило. Я рос практически без отца при живом отце. Сталин установил идиотский режим, по которому работали все центральные ведомства. Он ложился спать в 3—4 часа утра, а пока он не ляжет, все были на рабочих местах. Отец работал так: уезжал на работу часам к одиннадцати утра, в 6 часов приезжал на обед и с часок мог соснуть. Потом снова уезжал на работу и возвращался часа в 3 – 4 утра, и ложился спать часов до девяти – полдесятого. В воскре-

сень полдня отсыпался за недосып всей недели. Когда ему было видеть сына? Когда установился после смерти Сталина нормальный режим работы, я был уже подросток, а Женя – мальчик. Я его к отцу никогда не ревновал – у нас всю жизнь были (и есть) самые теплые и близкие отношения.

В 1947 году, как и положено, я пошел в школу. Школа №395 была расположена на Потешной улице (в честь Петровского потешного полка), на берегу Яузы, рядом со знаменитой психбольницей имени Ганушкина. Я там проучился всего два года, поэтому воспоминаний у меня немного. Помню пирожки с повидлом, которые нам давали в перерыве между уроками. Очень смутно помню, что вроде бы у меня с каким-то приятелем была землянка на берегу Яузы. Хорошо помню, как в больнице имени Ганушкина рано утром возник пожар, все больные разбежались, милиция быстро организовала оцепление, и нас отправляли домой. Уже на завтра занятия продолжились, видимо всех пациентов выловили. Тогда было разделение школ на мужскую и женскую. Женская была совсем близко к дому, но мне-то что? Учился я легко, учителя меня хвалили. И проблем родителям я не доставлял.

В 1949 году в Москве открылось две школы: школа №1 Мосгороно с углубленным изучением английского языка и №2 – французская. Может их было и больше (немецкая?) – не знаю. А может быть, французская открылась чуть позже? Тоже не знаю. Школа была рядом с метро «Сокольники»,

в общем – то сравнительно недалеко от нас – три трамвайных остановки. Набирали в школу отличников из других школ, со второго по шестой класс по всей Москве. Мама быстро сообразила, что к чему, и в третий класс я уже пошел в первую спецшколу.

Первым директором школы в течение примерно 7 лет был Дмитрий Николаевич Таптыков. Это была личность! Вроде бы он ни на кого не кричал, не ругался, не наказывал, но боялись его до дрожи в коленках. Просто он умел себя поставить. Мы практически не заметили его ухода. Пришедший ему на смену, при Таптыкове – завуч – Н.И.Ермишкин, был хорошим человеком и тоже неплохим директором. Когда я уже окончил школу, мои родители были командированы в Австрию, в Вену. Отец работал зам. торгпреда. Д.Н.Таптыков с женой тоже оказался в Вене советником посольства по культуре. Летом в отпуск мои родители пригласили Таптыковых в гости. Когда вошел Дмитрий Николаевич, я вскочил из-за стола, вытянувшись в струнку, как на параде. Мои родители потом над этим долго посмеивались.

В школу я ходил только пешком. Во-первых, трамваи в то время ходили переполненные. Пассажиры висели на площадках. Сесть в трамвай ребенку было практически невозможно. Во-вторых, где-то в 6—7 классе (точнее не помню) моего одноклассника Алика Балебанова вытолкнули из трамвая, и ему по щиколотку отрезало трамваем ногу. Ему сделали протез. И через пару лет он бегал быстрее мно-

гих из нас. Конечно, после этого ни о каких трамваях и речи быть не могло. Пешком в школу мы шли по улице Стромынка, а обратно нередко по параллельной улице Матросская тишина. Там недалеко от Яузы располагалась знаменитая тюрьма, и мы с любопытством наблюдали переключку людей с воли с заключенными (через тюремную решетку). Как ни странно, первые классы в новой школе я помню даже хуже, чем 1—2 классы в школе №395. Хотя мы поняли и не сразу, но до нас быстро дошло, что в школе собраны со всей Москвы не только лучшие ученики, но и лучшие учителя. Но и требования были очень высокими. В школе никогда никого не оставляли на второй год, а предлагали родителям вовремя перевести ребенка в обычную школу. Мне думается, что учителя слабых троечников старались сплавить в другие школы, даже не доводя дело до двоек в четверти. Отсеялись многие. Вовремя из спецшколы в обычную родители забрали Вову Суровцева. Говорили, что отсеянные двоечники нередко в районных школах становились отличниками. Я до сих пор помню многое из того, что проходил в школе: конечно, английский, но и географию, и многое из русской литературы.

Английскому языку нас учили основательно. Для занятий по английскому класс разбивался на три подгруппы, и у каждой был свой учитель. Занятия проводились три раза в неделю. Ряд предметов изучался на английском языке: экономическая география зарубежных стран, анатомия, для чего бы-

ли изданы соответствующие учебники на английском языке. Планировалось преподавать на английском еще и историю, был издан и роздан ученикам соответствующий учебник, но этот предмет так и не был при мне введен – возможно, не нашли учителя. В 8 и 9 классах был специальный предмет – английская литература и издан соответствующий учебник. Я помню, что учебник охватывал английскую литературу от баллады о Беовульфе, затем шел Джеффри Чосер так далее вплоть до наших дней. До сих пор помню отрывок из Чайлд Гарольда лорда Байрона – стихи мы учили наизусть. В 10 классе обязательным было домашнее чтение оригинальной английской литературы с устным пересказом прочитанного на уроке. Я брал в Иностранной библиотеке новеллы Э. А. По. Самое сложное – английское правописание – в нас вдолбили так, что я и сейчас могу писать почти без ошибок. А вот подлинное произношение и интонации нам привить не смогли – все-таки все учителя были русскими. Мне знание языка существенно помогало в работе всю жизнь, за что я школе бесконечно благодарен.

Состав учеников был ...странный. Как-то в начале перестройки я прочел интервью Ю. Щекочихина с моим одноклассником Костей Демахиным, жившим, кстати сказать, на втором этаже моего подъезда. Называлась статья броско: «Я был шпионом у посла США в СССР» или как-то близко к этому. То, о чем писалось в статье, мне не было, разумеется, известно. Но одно Костино утверждение меня возмути-

ло: «В нашем классе были одни «сынки». Я категорически утверждаю, что этого не было. Более того, у доброго десятка учеников отцов вообще не было. Я мог бы перечислить их пофамильно. Но в других классах... Годом или двумя старше учились два сына Г.М.Маленкова, бывшего тогда первым лицом страны, сыновья Симоновых (известного писателя и известного артиста). Мой младший брат Женя учился в одном классе (и дружил) с внуком Г.М.Маленкова. А многих я и не знал. Может быть, мой класс был исключением? Я этого не знаю.

Недавно я стал искать в Интернете материалы о нашей школе, но о ее первых выпусках не нашел ничего. А ведь мой выпуск был четвертым по счету, поскольку набирали учеников до шестого класса включительно, а я пошел в третий. Спецшколы существовали достаточно долго – моя дочь 1963 г рождения еще училась в спецшколе где-то на Кутузовском проспекте. Раздельное обучение мальчиков и девочек продолжалось вплоть до 1956 г. В 1956г, когда реально началось объединение мужских и женских школ, оказалось, что в старшие классы школы №1 принимать некого – спецшкол для девочек не было. Появилась лишь одна девочка в «Б» классе – Лена Голубева. Ее выучили английскому дома, и она нам ни в чем не уступала. Утром после выпускного вечера – часов в 6 – мы случайно столкнулись. Я был один – уже шел домой. Она тоже была одна. Мы стали с ней азартно целоваться. Но после никакого продолжения эта роман-

тичная встреча не имела. Девочек не было и в институте – на факультет, где я учился, тогда девушек не брали.

Первые классы в школе – с 3-го по 8-й или даже 9-й я практически не помню, только отдельные фрагменты. Помню регулярные драки между нашим классом «А» и параллельным «Б». Дрались практически все. Я никогда не дрался – с самого детства. Как ни странно, эту мою особенность оба класса уважали, и при драках всегда ставилось условие «Григорьева не трогать!». Очень хорошо помню нашу классную руководительницу и одновременно учителя русского языка и литературы Марину Михайловну Коваленскую. Мы все ее очень любили. Она была небольшого роста, полненькая, но не толстая. Она училась на балерину, но из-за болезни сердца вынуждена была это обучение бросить, и окончила пединститут. Учила она не только хорошо, но и в согласии со своими убеждениями. Когда из программы исключили басни Крылова, она возмутилась и заставила нас изучить творчество Крылова и выучить много басен, которые я помню до сих пор! Пыталась научить нас танцам, за неимением девочек сама танцевала со всеми по очереди, но из этой затеи у нее ничего не вышло. Мы очень стеснялись и держались скованно. Начиная с девятого класса, она отказалась от нашего класса. Формально потому, что наш класс оказался на редкость буйным. Не очень хочется, но некоторые фамилии придется назвать. Да простят меня эти ребята – они уже на том свете. Например, Влад Чирков, мой близкий

друг, научился виртуозно громко, на весь класс, рыгать, стоило учителю отвернуться. Костя Демахин вообще откалывал смертельный номер – раскрывал окно и бросался в него, в последний момент уцепившись за верхнюю перекладину рамы. А класс был на четвертом этаже. Потом, мы играли в волейбол через приставную доску мячиком из комка бумаги, обернутого тряпкой для вытирания доски. Играли двое на двое. Валера Мотов, почти двух метров роста, выпрыгивал над непрозрачной доской и бил со страшной силой. Летели стекла в окнах. Дирекции надоело их бесконечно вставлять, и последний год мы провели с окнами на улице. Ребят пытались наказывать – на несколько дней отстраняли от уроков. Как – то отстранили Чиркова. Назавтра к директору пришла его мать: «Это что же за наказание такое? Все учатся, а он болтается на улице!». Наказание отменили.

Классе в восьмом или в девятом мне пришла в голову вздорная идея – показать нашей учительнице химии Капитолине Никаноровне тот самый «везувиан», что дед Григорьев привез из Виллойской ссылки. У меня было полтора кристалла – один целый, второй обломок, примерно полкристалла. Кристалл был удивительный. Абсолютно черный брусок квадратного сечения размером в сечении со стороной квадрата около одного сантиметра. Длина бруска – сантиметров пять. Торцы под углом в девяносто градусов имели скосы шириной около миллиметра под углом сорок пять градусов. Он создавал впечатление ювелирного изделия, а не природ-

ного минерала. Названия кристаллов я тогда еще не знал. Я принес в школу оба – целый и обломок. Капитолина Никаноровна мне сказала, что она все же думает, что это природный кристалл, и покажет его знакомым из института кристаллографии. Спустя неделю или две я и узнал, что это действительно природный кристалл, называется «везувиан», поскольку обнаружен на Везувии. У нас встречается в восточной Сибири на Вилюе. Таких кристаллов в коллекции института не было, поэтому у меня их забрали без всяких извинений и объяснений. Но школе подарили большой набор химреактивов. Я вздохнул и ...успокоился. Зато по химии я всегда имел пятерку, если даже ничего не знал.

В девятом классе меня выбрали комсоргом школы. Мне эта работа пришлась не по душе, и в десятом классе на общем комсомольском собрании я попросил меня от нее освободить. Несмотря на возражения директора школы Н. Ермишкина, собрание мою просьбу удовлетворило.

Мне пришла в голову идея сделать стол для настольного тенниса. Как раз к нам домой привезли холодильник «ЗИЛ», обшитый досками. Я решил, что этих досок на стол хватит. Конечно, я ошибся – их не хватило и на половину стола. Но тогда я этого еще не знал. Я уговорил нескольких друзей в классе сделать стол за зимние каникулы. Затем уговорил директора школы, человека доброго и вообще хорошего, выделить нам грузовик для перевозки досок в школу. Как ни странно, грузовик он выделил. Под руководством учителя

ля труда (ни фамилии, ни имени не помню) мы приступили к работе по всем правилам. Обстругивали доски фуганком, затем склеивали их в специальных обжимах торец к торцу в щиты, ну и так далее. Быстро выяснилось, что досок не хватает. Остальные мы добыли просто – выломали их из забора, отделявшего школьный двор от стадиона «Труд». Не думаю, что этим мы нанесли большой урон – забор и так кишел дырами. Не все выдержали ежедневный приезд в школу и многочасовой труд. Но к концу каникул мы стол сделали! Учитель труда сказал нам: «Ну уж никак не думал, что вы эту затею доведете до конца». Потом, естественно, почти ежедневно после уроков играли. На следующий год, придя в школу впервые уже на собрание выпускников, я увидел в школе уже три стола! Наш пример оказался заразителен.

Не могу не сказать о физкультуре. Началось с того, что в пятом классе, в зимние каникулы, я заболел ангиной. Приехала бабуся, послушала меня и заявила: «Я слышу шум в сердце». Начали меня таскать по врачам. Одни слышали шум, другие – нет. Наконец меня положили в клинику академика Сперанского на набережной реки Москва, возле Устинского моста. Там поставили диагноз – ревмокардит. Мама уложила меня в постель. Ходить мне не разрешалось. Гулять (ведь была зима!) мама таскала меня на своем горбу. Третью четверть я пропустил. Уж не знаю как, но мама договорилась в школе, что четвертую четверть я буду учиться дома. Время от времени для проверки знаний ко мне из шко-

лы приходили учителя. Четвертую четверть я был аттестован с оценками «отлично». В шестом классе я уже пошел в школу, но от физкультуры меня освободили. Точнее, мама договорилась с учителем физкультуры А.А.Гугиным, человеком очень интеллигентным и обаятельным, что он будет давать мне посильную нагрузку, освободив от сдачи нормативов ГТО. Я стал снова постепенно втягиваться в занятия. Особенно любил лыжи. Тем более что занятия (сдвоенный урок) проходили в Сокольниках. В девятом и десятом классах друзья втянули меня в волейбол и баскетбол. Хорошим игроком я, конечно, не стал, но друзья включили меня в сборные школы, выпуская на площадку изредка для того, чтобы дать отдых уставшим основным игрокам. Мы в этом сезоне 1956—57 гг. выиграли оба первенства Москвы – и по волейболу, и по баскетболу. Нам вручили кубки. Мы их скромно обмыли в шашлычной на Арбате, заказав бутылку шампанского и по порции шпрот. На большее денег у нас не было.

В школе я больше всех дружил с А. Пумпянским и И. Гореловым. Но за одной партией почему-то сидел не с ними, а сначала с В. Глазычевым, а потом с В. Мотовым. В. Мотов отличался некоторой... экставагантностью. Например, тогда у школьников были в моде небольшие фибровые чемоданчики. Валера на уроке ставил чемоданчик на парту и открывал его. Крышка закрывала его от учителя. В чемоданчике оказывался бутерброд и стакан чая, который Валера тут же

и съедал, запивая чаем. Со Славой Глазычевым мы на пару писали стихи, точнее – оды. Оду соляной кислоте. Оду пособию по анатомии. Еще что-то, что я уж и не помню. Писалось это ради развлечения, никому мы эти опусы не показывали. Но кое-что я помню до сих пор: «О ты, соединенье хлора злого..».

Начав вспоминать, я вспомнил практически всех своих одноклассников. В классе я чувствовал себя уютно. Ни с кем я не был в плохих отношениях. Вообще, в отличие от других школ, отличников у нас было принято уважать. Кроме того, почти все время я был редактором классной стенгазеты. Ребята со мной охотно сотрудничали. Главным художником был В. Глазычев, но и я при острой необходимости мог кое-как что-то нарисовать.

Нельзя не упомянуть некоторых учителей. О Марине Михайловне я уже писал. Был у нас очень интересный и отчасти загадочный учитель. Хоть убей, не смог вспомнить ни имени, ни фамилии. Но я, кажется, ее нашел на старой фотографии в интернете. Н.Д.Чебурашкин. Так что имя «чебурашка» придумал вовсе не Э. Успенский! У некоторых учителей, кстати, у немногих, большинство из них между собой мы звали просто по имени, были клички. У Чебурашкина было прозвище «хромой черт». Он действительно был хромым. Но каким же красивым мужиком он был! Даже мы тогда это понимали. Но довольно резким. Отсюда и «черт». Он вел одновременно на очень хорошем английском языке

экономическую географию зарубежных стран и... анатомию. При этом по обоим предметам он владел полной терминологией! И требовал этого от нас. Мало этого. У Кости Демахина был привычный вывих коленной чашечки. Он любил потасовки, и изредка этот вывих происходил. Тогда Костя катался по полу и выл от боли. Бежали за «хромым чертом». Он быстро и уверенно, как опытный хирург, вправлял чашечку. Интересно, кем же он был до того, как стал учителем? Вообще дети дают учителям очень меткие прозвища. Иногда нейтральные, чаще злые. Была у нас в школе молодая учительница английского, и, хотя в нашем классе она занятия не вела, мы, как и все другие, называли ее «морковка» за остренький красный носик. Мама меня не раз спрашивала: «Почему морковка?» Как-то она пришла в школу и увидела эту учительницу. Потом дома сказала: «А ведь верно – морковка!» Нам не везло с учителями физики. За год, когда я учился уже в 10-м классе, сменилось трое учителей, каждый из них после уговоров соглашался недолго поработать – не более того. Один из них был инвалидом войны – без одной ноги и, кажется, еще и без одной руки. Мы его не любили и дали ему злое прозвище «портативный». Вели мы себя на его уроках отвратительно. Время от времени его терпение подходило к концу, он громко хлопал указкой по кафедре и еще более громко кричал: «Довольно! Хватит!». Результата это не приносило, зато некоторые ученики научились его здорово передразнивать и кричали ему в спину: «Довольно!

Хватит!». Впрочем, проработал он очень недолго.

В должности классного руководителя и учителя литературы Марину Михайловну сменила Нина Ивановна Тарасова. Полюбить мы ее не полюбили, но сохраняли оба года как бы вооруженный нейтралитет. А вот преподавателя математики Михаила Арсентьевича Морозова – любили. На его уроках всегда вели себя дисциплинированно, хотя он и не отличался большой строгостью. В десятом классе он объявил: «Тем, кто собирается поступать в технический вуз, я буду регулярно посвящать последние 10—15 минут урока». Кроме того, он ввел очень полезное новаторское мероприятие. Почти на каждом уроке он раздавал листочки с конкурсными задачами разных вузов. Сложность была разная, поэтому решенная задача оценивались в баллах – от одного до трех, по каждому из разделов математики (алгебра, геометрия, тригонометрия) отдельно. За набранные 10 (или 15?) баллов ставилась «пятерка» в журнал. Хороший стимул. Я решил поступать в технический вуз (еще не думая, в какой). Поэтому активно включился в это мероприятие. Начал получать пятерки в журнал, что мне очень нравилось. Однажды Михаил Арсентьевич дал какую-то особенно сложную задачу с необычно высоким количеством баллов. Она меня захватила, и я ломал над ней голову целую неделю. И решил. Методами аналитической геометрии задача решалась легко, но мы аналитической геометрии не знали. Решив задачу, я подошел к М.А. на перемене и сказал:

– А я задачу решил.

– Врешь. Покажи.

Завел меня в пустой класс, и я быстро на доске показал решение.

– Да-а. Ну ты и молодец!

– А в чем, собственно дело? Из-за чего такой ажиотаж?

– Эту задачу нам дали на курсах усовершенствования учителей. Не решил никто!

После этого М.А. стал меня сильно уважать. Как-то от скуки я открыл учебник по геометрии, просмотрел его, доказал пару сложных теорем. Для себя. На одном из уроков М.А. заявил: «Сейчас я объясню самую сложную теорему в учебнике». Я нахально сказал: «Хотите, докажу?». «Ну, иди к доске». М.А. почесал голову: «Вижу, что ты доказал сам. В учебнике написано не так». После этого часто бывало, что на уроке он меня спрашивал:

– Что, скучно, Григорьев?

– Скучно, Михаил Арсентьевич.

– Ну, иди, погуляй.

И я уходил погулять. В конце года он на меня насел – тебе надо поступать в МИФИ (Московский инженерно-физический институт), и больше никуда. А я собирался в Энергетический. Почему – сам не знаю. В общем, он меня уговорил. Я поступил – таки в МИФИ! Но этому предшествовал целый ряд событий.

Отвлекусь немного от школьных дел. В 1953 году умер

Сталин. Слава Богу, родители меня не пустили на похороны. И сами не поехали. Сколько людей погибло в давках к Колонному залу! Но плакали все – горько и искренне. Жил я в полном неведении относительно послевоенных репрессий. Из соседей у нас вроде бы никого не арестовали. Много позже отец с мамой говорили, что не раз ждали ареста, а один раз отца спас его начальник – узнав о предполагаемом аресте, услал его куда-то в далекую и длительную командировку. Тем временем грозу пронесло. Уже после отставки отца я узнал, что после войны и до ухода на пенсию он работал во внешней разведке. Может быть, их чистили меньше?

То ли в 1950 г., то ли одним или двумя годами позже, мы все вчетвером поехали в дом отдыха МГБ в Гагры. Там впервые у брата Жени начались приступы астмы, и сразу довольно сильные. Отец с мамой решили, что мама с Женей поедут в Крым, в Ялту, где, как считалось, климат был более подходящим для астматиков, чем в Гагре. На служебной машине мы вчетвером отправились в Сочи, где мама с Женей сели на пароход, идущий в Крым. Туда же, в Ялту, была срочно вызвана бабуся. Пароход уплыл, и мы с отцом вернулись в дом отдыха вдвоем. И тут – то выяснилось, что мы друг с другом не очень – то умеем жить вместе, без мамы. Конечно, как и из-за чего мы ссорились, я не помню, однако помню, что мы с некоторым трудом дожили до окончания срока путевок. Все это происходило, конечно, из-за того, что отца я до этих лет практически и не видел. Женя с мамой и бабу-

сей пробыли в Ялте то ли месяц, то ли больше. Вроде бы ему стало лучше.

В 1953 году, в год смерти Сталина, мы получили отдельную квартиру. Прекрасная двухкомнатная квартира на Песчаной улице в районе Сокола. Мама долго волновалась. Думала-думала – и отказалась. Мы с Женей оба учились в школе №1, и ездить в школу с Песчаной улицы было очень далеко. Взамен мама выбрала другой вариант – две комнаты в трехкомнатной квартире на Смоленской площади в знаменитом доме с башней. В нем сейчас расположена станция старой ветки метро. Квартира была шикарная – две комнаты, одна метров 30 квадратных, другая около 16. Кроме того была огромная кухня, разделенная на две части. В передней части – газовая плита и мойка, во второй, отделенной стеклянной перегородкой, с окном, выходящим на Садовое кольцо, размещались два обеденных стола и два настенных шкафчика для посуды. Все замечательно, если бы не соседка Клавдия Ивановна, или просто Клавдя. Она с мужем, сотрудником милиции, и племянницей Раечкой, милой, слегка заикающейся девушкой, жила в одной, третьей комнате. Клавдя работала продавщицей газированной воды в каком-то из соседних магазинов и отличалась скандальным и неуживчивым характером. Мужа она держала под каблуком. Павел Иванович, человек мирный, все терпел. Иногда скандал в семье (не знаю, по какому поводу) выплескивался в общий коридор. Клавдя орала и била мужа тапком по морде! Павел

Иванович только отворачивался.

Летом мы обычно выезжали на дачу. Дачу снимали в разных местах, по Ярославской, по Киевской, по Ленинградской, по Казанской дорогам.

Выезд на дачу – это была целая эпопея. Всегда снимались абсолютно пустые комнаты. Поэтому нанимался грузовик. В кузов грузились все необходимые вещи, а сверху усаживались: я, папа, и бабушка в обнимку с котом. (Коты или кошки у нас были всегда, даже и после смерти бабушки). Однажды, когда мы снимали дачу в Новогорске, при подъезде к даче, кот у бабушки вырвался и убежал. Поиски ни к чему не привели. Прошел почти месяц. Вдруг из-под одного из соседних домов стали в панике разбегаться крысы. Мы заглянули в кладовку этого дома и нашли там выводок крысят. Но крыс уже не было. Потом крысы побежали из соседнего дома. Мы смекнули, что это работа нашего сбежавшего кота. Бабушке удалось его выманить и взять на руки. Я на радостях побежал к бабушке. Кот вырвался и снова удрал. Через пару дней бабушка его снова выманила. Больше он не убежал и спокойно жил с нами.

Снимали дачу обычно на двоих – пополам с Гришуновыми. Две комнаты и терраса. У них тоже было двое детей – Лиля, старше меня на год и Боря, на год меня младше. То, что каждая семья занимала всего одну комнату, никого не смущало. В 1952 году мой отец и Михаил Иванович Гришунов купили по велосипеду. Мой отец то ли уже умел кататься,

то ли очень быстро его освоил. А Михаил Иванович осваивал велосипед долго и упорно. В тот год мы вместе снимали дачу в «Заветах Ильича». Дом был большой, двухэтажный. Вокруг дома шла дорожка. Михаил Иванович ездил по этой дорожке и регулярно падал. Из окна нередко за ним наблюдала моя мама, и при падении ехидно смеялась. Вообще, две семьи были людьми молодыми, веселыми, часто устраивали шутейные потасовки с непременно обливанием всех водой. Мы с Борей освоили эти взрослые велосипеды и ездили, засунув ноги в рамы, так как с седла педали не доставали. Зимой у обоих дружно заболело сердце. О своей болезни я уже рассказывал. Мама отнеслась к этому очень серьезно, и во взрослом возрасте болезнь практически прошла. У Бори ревмокардит накинудся на суставы. Антонина Ивановна Гришунова отнеслась к его болезни более легкомысленно. Боря умер, не дожив до тридцати лет.

В 1954 году умер дедушка Григорьев. Бабуся переехала к нам, тем более, что как раз в этом году (или начале следующего) отца командировали в Австрию, в Вену на должность зам. торгпреда. Гораздо позже я узнал, что он такой же представитель Внешторга, как я – китайский император.

Но я должен сделать еще одно отступление в своем рассказе. Что-то он у меня получается какой-то рваный. Может, потом это удастся как-то исправить?

А дело вот в чем. У мамы был брат Борис. В войну в армию его не взяли, так как в молодости, балуясь с охотничьим

ружьем, он лишился глаза. После войны он как-то тоже оказался в Москве, работал электриком, женился на женщине с ребенком – дочерью Тamarой – и жил в бараках в районе Лефортово. Изредка мы к ним ездили в гости. Борис пил, чем дальше, тем больше на пару с женой Татьяной (и без), и где-то году в 52—53 (точно не помню) попал по пьянке под троллейбус. У Татьяны осталось трое детей, дочь Тамара, и двое от Бориса: мальчик Виталик и девочка Лена. Виталик был на пару лет младше моего брата Жени, т.е. ко времени гибели отца ему было примерно 5—6 лет. Мама, понимая, что Татьяне с тремя детьми не справиться, решила взять Виталика к себе, разумно полагая, что образование и воспитание для мальчика важнее, чем для девочки. К тому же Тамара была дочерью Татьяны от первого брака, а Лена – мала. В общем, Виталика забрали в нашу семью – и навсегда. Он и родной матерью считал не Татьяну, которую, конечно знал, как и сестер, а мою маму. Так вот, родители собрались в Австрию, а что делать с Виталиком? Устроили его в интернат МИД, и забрали в нашу семью после возвращения из двух подряд загранкомандировок в 1959 году. С тех пор он жил с нами вплоть до своей женитьбы. Маме не удалось отбить его от армии, но отдельную комнату в Сумбатов-Южинском переулке она ему все-таки выбила!

Второе отступление касается дальних наших родственников, но близких друзей Багринцевых. Глава семьи Александр Васильевич Багринцев (дядя Шура) и его жена Валентина

Ивановна (тетя Валя) жили в Останкино. Сейчас невозможно даже представить, как можно жить в таких условиях. Это был двухэтажный барак с коридором посередине, где располагались и газовые плиты, на которых готовили. Туалет был на улице с несколькими «окошками» для женщин и несколькими – для мужчин. Представляете, каково там было зимой! Мыться ходили в баню. У Багринцевых были две смежных комнатки, метров по 12 каждая. Там жили: папа, мама, бабушка (двоюродная сестра деда Григорьева) и двое дочерей – Ира, на год старше меня и Мила, еще на пару лет старше Иры. Дядя Шура был концертмейстером альтовой группы оркестра Большого театра! Тетя Валя работала библиотекарем. Дядя Шура был уникальным человеком. Помимо несомненного музыкального дарования, он увлекался:

– Радиолобительством. Сделал своими руками большой магнитофон.

– Фотографией. Проявлял и печатал снимки в этих же комнаткушках.

– Автомобилем. У него была сначала «Победа», затем «Москвич», которые он мог разобрать и собрать своими руками до последнего винтика.

Кроме того, он был доцентом «Гнесинки», к нему в барак нередко приходили ученики. У них был единственный на весь барак телевизор. Практически каждый вечер они открывали дверь комнаты, где стоял телевизор, и каждый желающий со своим стулом, сидя практически в коридоре, мог

смотреть передачи. Мои родители и Багринцевы дружили всю жизнь. Мужчины придумали друг другу смешные прозвища. Отец называл дядю Шуру «мух-цокотух», дядя Шура отца звал «тортик».

Вернемся к школьным годам и событиям. Когда мы переехали на Смоленскую площадь, в школу я ездил вполне самостоятельно и досконально изучил все, тогда не слишком многочисленные, станции метро. Часто мы с Игорем Гореловым и Сашей Пумпянским гуляли по центральным улицам Москвы. Игорь хотел стать кинооператором и постоянно щелкал фотоаппаратом. Но творческий конкурс не прошел и поступил учиться в ИнЯз. Туда из спецшколы брали всех на «ура». Мне очень нравился Арбат. К тому же, магазины – Смоленский гастроном, несколько магазинов на Арбате буквально завораживали. Там было все: красная и черная икра двух сортов – зернистая и паюсная, и разные колбасы, и ветчина, и... в общем, только слюнки текли.

Весной в школу пришел представитель МГИМО. Он отобрал несколько человек (наверное, по анкетам и по успеваемости), собрал нас, и сказал кратко: «подавайте в МГИМО». Я был в числе отобранных. Его предложение – стопроцентная гарантия поступления. Было о чем задуматься. Но все же я под нажимом Михаила Арсентьевича решил поступать в МИФИ. Я вполне обоснованно надеялся получить золотую медаль, что тогда освобождало от вступительных экзаменов, надо было только пройти собеседование.

В это время произошло событие, которое могло мне сильно повредить (но не повредило). На день Советской армии в школу был приглашен Семен Михайлович Буденный. Мы ждали его с нетерпением. Актальный зал был забит под завязку. Но малышам 1—2 класса мест решительно не хватало. И их отпустили домой. В это время приехал Буденный. На сцену он поднялся темнее тучи. «Махновцы! Предатели! Я тут приезжаю, а они уходят! Я что думаете – случайно в школу приехал? Это правительство мне поручило! Я вижу, какой в школе бардак!» И так далее. Ругался он минут десять, потом рассказал какие-то воспоминания. Это было уже никому не нужно – все дрожали от страха. Комсорг школы, то ли от волнения, то ли от страха, вообще не вышел его приветствовать. Он уехал, и вроде бы все затихло. Но в конце учебного года это нам всем аукнулось!

В конце весны в школу пришло предложение от ЦК ВЛКСМ – выделить одного ученика для поездки в Данию. Планировалось, что по обмену с датским комсомолом несколько датских школьников приедут в СССР. Срок пребывания в Дании – 2 недели. Выезд в начале июля. Обращаясь в нашу школу, ЦК ВЛКСМ имел в виду, что кандидат знает английский язык и может быть переводчиком группы. Школа предложила мою кандидатуру. Я, один из немногих, был реальным кандидатом на золотую медаль и, кроме того, совсем недавно – комсоргом школы. Я поехал в ЦК ВЛКСМ, прошел собеседование, и меня утвердили членом

делегации. Никаких оформлений тогда не было нужно. Детям до 18 лет загранпаспорта, как сейчас, не оформлялись. Просто их фотографии клеивались в паспорт сопровождающего взрослого. Этим сопровождающим была Зоя Александровна, сотрудник ЦК, попавшая в него из Ярославского обкома ВЛКСМ, приятная молодая женщина. На этом пока все и остановилось, подошли выпускные экзамены. Конечно, как и все, я волновался, но не слишком. Школа не меньше меня была заинтересована в том, чтобы я получил медаль. Ведь все 8 лет я был отличником! Наконец, экзамены сданы, документы на медаль ушли в РАЙОНО. Скоро пришел ответ – пятерку за сочинение мне не утвердили, придравшись к каким-то стилистическим ошибкам, и выдали серебряную медаль. Всего на золотую медаль претендовало 6 человек – трое из моего класса и трое из параллельного «Б». Золотую медаль не получил НИКТО. Эти шестеро получили «серебро». Претендовавшие на «серебро» – их было больше, т.к. допускалось иметь три четверки – не получили ничего. Вот когда нам аукнулся визит С.М.Буденного! А вскоре сняли и директора школы.

Что делать? Поездку в Данию отменять поздно, замену сделать уже было невозможно. А мне предстояло к тому же сдавать два экзамена по физике – устный и письменный. Как раз с физикой в десятом классе, как я уже говорил, обстояло очень плохо из-за того, что не было постоянного учителя. В ЦК ВЛКСМ возможные меры приняли – созвонились

с МИФИ и договорились, что у меня примут экзамен досрочно. А как сдавать? Мама кинулась искать репетитора – до экзамена оставалось меньше двух недель. Все отказывались. Наконец один преподаватель сказал: «Ладно, приеду, поговорю с учеником, тогда и решу». Приехал, поговорил. Сказал маме – «берусь». И мы стали заниматься ежедневно часа по три, а потом уж я занимался сам. За оставшееся время успели пройти примерно $\frac{3}{4}$ материала. Остальное пройти не успели.

Я пошел сдавать экзамены. Экзаменаторов я помню от лично. Юрий Алексеевич Быковский, позже – зав. каф. физики твердого тела, и Вадим Гридин, ставший позже моим старшим товарищем. Отношение обоих было крайне благожелательное. Я получил четверку за устный экзамен, и пятерку за письменный. Буквально на завтра мы улетели в Данию.

Всей делегации я не помню, хотя нас было-то всего человек пять плюс Зоя Александровна. Москвичей двое – я и Алексей Наседкин, уже тогда хороший, а позже – весьма известный пианист. Девочка-балерина из Ленинграда. И пара ребят из Прибалтики. Поскольку переводчика нам не полагалось, имелось в виду, что я буду переводить с английского, а Зоя Александровна – с немецкого. Когда мы прилетели и познакомились с датскими комсомольцами, выяснилось, что английский кое-кто знает, а вот немецкий не знает никто, так что все разговоры и переговоры шли через ме-

ня. Выяснилось еще, что датчане планируют на одну неделю вывезти нас в пионерлагерь, где мы должны были тесно общаться с датскими пионерами, а на вторую нас сотрудники Советского посольства разбирали по домам. Вроде бы датчане устроили нам пару экскурсий. Из-за языкового барьера тесного общения не получилось – я не мог разорваться!

Лагерь представлял собой два немецких военных вагончика, очень похожих на паши плацкартные вагоны, стоявшие в сосновом лесу. Лес в Дании – это не наш бурелом. Он небольшой. Он вылизан так, что не валяется ни одной лишней веточки, не говоря уж о мусоре. О соблюдении чистоты в лесу предупреждали специальные плакаты с названием «лесная свинья» (для тех, кто оставляет за собой мусор). Я помню, что мы играли во что-то, похожее на спортивное ориентирование, а больше практически ничего. Кормили скудно – вареной картошкой с подливкой, но без мяса. Вообще быстро стало понятно, что датский комсомол – организация небольшая и бедная. Но работали там энтузиасты. Практически, больше и вспомнить нечего. Интереснее была вторая неделя. Меня взяли в семью посланника СССР в Дании. Они старались меня развлечь. Показали Копенгаген, знаменитую Русалочку в воде у берега, возили в замок Эльсинор, где согласно Шекспиру жил Гамлет. Ездили купаться на море. Вода была терпимо прохладная. Жаль, имен я их не помню, но до сих пор им благодарен. Через две недели мы вернулись в Москву. В аэропорту меня встречала мама. Сказала:

«Сегодня в МИФИ вывесили списки принятых. Ты зачислен в МИФИ». Я был настолько переполнен впечатлениями, что прореагировал на это очень вяло.

На этом история с датчанами не закончилась. Мы вернулись из Дании в самых последних числах июля, а 28 июля в Москве открывался Всемирный Фестиваль молодежи и студентов. От Зои Александровны я узнал, что датчане – комсомольцы, принимавшие нас в Дании, прилетают на Фестиваль. Жить они будут в гостинице «Ярославская» недалеко от ВДНХ. Я поехал в гостиницу и быстро их там разыскал. Состоялась теплая, я бы даже сказал восторженная встреча. Потом ко мне подошел неприметный молодой человек и попросил зайти в какую-то комнату там же в гостинице. «Кто Вы и что Вы тут делаете?» Я объяснил ситуацию. Он мне сказал: «Хорошо, можете посещать», и больше ко мне никто не приставал. Зоя Александровна предлагала мне билеты практически на любое мероприятие фестиваля, но я уже был впечатлениями сыт по горло и к тому же очень устал. Поэтому я почти нигде не был и мало чего видел, вот только встретаться с приветливыми и дружелюбными датчанами продолжал, как мог. А больше я просто отдыхал. В то лето мама снимала дачу в поселке Мамонтовка. Я много времени проводил на даче, купался в небольшой речке Уча, изобиловавшей ледяными ключами. В один из дней, спускаясь бегом к речке, упал. Сильно ударился, а главное, разбил недавно подаренные мне родителями часы «Омега». А больше вспомнить

нечего. Я ждал 1-го сентября – начала учебы в институте. Начиналась новая, не школьная, не детская, а взрослая студенческая жизнь.

МИФИ располагался тогда в трех зданиях. Основное – на улице Кирова, 21. В здании бывших масонских лож. До МИФИ там еще располагались студии ВХУТЕМАС. Когда я пришел на первый курс, в самой середине здания, на третьем этаже еще сохранилась одна художественная студия, откуда практически голые (но все же не совсем) натурщи и натурщицы выходили в коридор покурить. Второе здание было возле Павелецкого вокзала на ул. Малая Пионерская. Там были практически все учебные мастерские и несколько аудиторий. Было, как я узнал позже, и третье в районе метро «Сокол». Там располагался циклотрон.

Программа обучения, как я понял потом, еще не устоялась. Курсы высшей математики, общей и ядерной физики, теоретической физики преподавались на университетском уровне. Но представление о специальности «инженер-физик» тогда еще полностью не сложилось. Физиков выпускали университеты, и как физиков нас учили не хуже, чем в МГУ. Но инженер-физик? Чем он отличается от просто физика? Полной ясности не было. Поэтому в программе оставались чисто инженерные, не нужные на практике предметы: теоретическая механика (не путать с теоретической механикой по Ландау и Лившицу, которую нам тоже читали), сопромат в большом объеме, технология металлов, детали ма-

шин и т. д. Мастерские: сварка, пайка, радиомонтаж, стеклотрувные мастерские, что-то еще – уже не помню. Конечно, на первом курсе мы не понимали, какие предметы нам необходимы в будущей работе, а какие – не очень. Да это не совсем понимали и руководители. Программа обучения постепенно менялась и оптимизировалась, и не один десяток лет. Высшая школа консервативна по определению. Но сразу, с первого семестра, лекции нам читали крупнейшие ученые: общую физику – академик И.В.Обреимов, ходивший в большом белом полотняном пиджаке с накладным карманом, застегнутым громадной английской булавкой; общую химию – академик И.В.Тананаев. Этот высочайший уровень продолжался до пятого курса включительно. К преподаванию в МИФИ привлекались лучшие ученые страны.

У меня всегда была общественная «жилка». Это видно уже из школьной биографии. На первом курсе, на первом комсомольском собрании меня выдвинули в комитет комсомола. Но победил другой кандидат. И слава Богу! Я нашел свое место – как и в школе, я с 1-го по 6-й курсы был редактором газет: радиогазеты факультета, стенгазеты факультета, стенгазеты института. Видимо, у меня есть склонность не столько к писательству, сколько к публицистике. Как и многие, в школьные годы я писал стихи. Я их никому не показывал и очень быстро понял, что мне для профессии литератора не хватает главного – воображения, фантазии. Я как чукча – что вижу, о том и пишу. Что же, каждому – свое.

Я уже писал, что поступил в МИФИ почти случайно, под давлением учителя, которого я очень уважал. Но я мог бы свободно поступить и в МГИМО. Или куда-нибудь еще. Я нисколько не жалею о своем выборе, но думаю, поступи я в МГИМО, моя карьера сложилась бы не хуже.

Итак, я впервые (если не считать экзаменов), уже как студент, переступил порог МИФИ в здании на ул. Кирова, 21 (сейчас восстановлено старое название улицы «Мясницкая».) Планировка здания была настолько сложной и запутанной, что я и тогда ее полностью не знал, а уж сейчас и подавно. Помню только отдельные фрагменты. От проходной шел вход в круглый, высокий – в два этажа – зал. Из него вверх вели две симметричные полукружные вдоль стен довольно широкие деревянные лестницы. По второму этажу зала вокруг него шли узкие, длинные аудитории. Они все (кроме последней) были проходными. Назывались «сардельки». В основном там шли занятия по английскому языку. Дальше по коридору шла большая физическая аудитория и круглый большой читальный зал с библиотекой. На следующих двух этажах располагались кафедры и небольшие групповые аудитории. Когда я зажмуриваюсь и пытаюсь мысленно воссоздать схему и расположение помещений – у меня ничего не выходит. Только отдельные кусочки. Еще один весьма памятный актовй, он же спортивный, зал. В него вел проход из центрального круглого зала с «сардельками». За дверь открывалась большая (думаю, метров 30—40 квадрат-

ных) обычная одноэтажная комната, внезапно переходившая в большой двухэтажный зал со стеклянной крышей. Видимо, в нем когда-то располагалась оранжерея. В зале свободно размещалась волейбольная (или, если надо) баскетбольная площадка с хорошим паркетным полом. В одноэтажной части тесными стройными рядами были сложены стулья. В дни торжеств, или просто вечеров отдыха, впереди монтировалась сцена, а в остальной части расставлялись вынутые из импровизированного склада стулья. Делалось это очень ловко и быстро. Вместал зал человек 200, а может и больше – судить сейчас не берусь. Вечера устраивались в МИФИ довольно часто. Пускали только по приглашительным билетам. С одной печатью – на одного, с двумя – на двоих, то есть с девушкой. Для нашего «мужского монастыря» билеты с двумя печатями были большой ценностью. Вечера отдыха в МИФИ вызывали такой ажиотаж, что из-за толпы желающих попасть на улице Кирова, довольно узкой, на какое-то время перекрывалось движение! Знаменитым на всю Москву был МИФИ-джаз. Он неизменно играл на всех вечерах. Его приглашали даже в Кремль! Позже его руководителю, выпускнику МИФИ доценту Ю.П.Козыреву было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры».

Благодаря общественной работе у меня всегда был билет на вечер – с одной печатью. А с двумя мне долго и не надо было. Я всегда был застенчив с девушками, видимо потому, что учился всегда отдельно от них, а знакомиться на улице

я стеснялся. Однако Новогодний вечер в конце 1960 года я запомнил отлично. Во-первых, я пришел с женой – совсем недавно я женился. Во-вторых, это был единственный в МИФИ вечер, длившийся до шести утра. Видимо, администрация решила этот опыт больше не повторять. В-третьих, в буфете продавали вино! В большом зале и двух больших аудиториях играло три джаз-оркестра!

Мы заранее готовились к этому вечеру. Подготовили большой выпуск радиогазеты из двух частей. Приспособили к телефону магнитофон и записали поздравления министра В.П.Елютина, Л. Д. Ландау. Ректор пришел в студию и его записали прямо с микрофона. В работе активно участвовали добровольные помощники – И. Ободовский и И. Дмитриевский. Вторая часть была юмористическая – интервью с известными юмористами. Ровно в 12 ночи мы включили передачу, остановив игру всех оркестров. Это было нашей большой ошибкой. Если поздравления – довольно короткие – еще кое-как выслушали, то остальное уже практически не слушал никто. Так что наша работа, считай, прошла зря. Ну, зато сами развлекались пару недель, готовя передачу.

Учиться в МИФИ было гораздо тяжелее, чем в школе. Правда, первый семестр я сдал без троек. Но потом пошли и троечки. По – разному. Например, сдавать матанализ я всегда шел к преподавателю, которая вела у нас семинары – С. Садиковой. Она считала меня твердым троечником, я ее

в этом не старался переубедить. Зато я твердо знал, что тройку уж она мне поставит. Для меня это было не очень важно – ведь стипендию мне все равно не платили. Тогда стипендию платили только успевающим малообеспеченным студентам. А я не был малообеспеченным.

Все бы ничего, да начались занятия по физкультуре, в том числе бег на 1500 м. Один круг 400м я еще мог так-сяк пробежать, а дальше – если только ползком. Выхода не было, я пошел к врачу и принес справку, что у меня ревмокардит. Начальство схватилось за голову, ведь тогда отбор в МИФИ по здоровью был очень строгим, гораздо строже, чем в армию. Меня, безусловно, отчислили бы, если бы мне опять не повезло. В одной группе со мной учился Юра Щепкин, который принес такую же справку. А его трогать было нельзя. Ведь он был сыном Германа Щепкина, ученого мало известного широкой общественности в силу особой секретности работ, одного из ближайших соратников И.В.Курчатова. Начальство решило не трогать обоих. За мной с их точки зрения ведь тоже как бы был ЦК ВЛКСМ. С Юрой Щепкиным у нас завязалась дружба. Он стал приглашать меня к себе в гости. В первый визит я был слегка потрясен. Особняк на несколько квартир (кажется, трехэтажный) находился практически рядом с ИАЭ. Квартира располагалась на втором этаже. При входе – холл метров 25 квадратных. Напротив входной двери – дверь в гостиную, площадью метров сорока. Из гостиной направо и налево – по комнате метров два-

дцати каждая. В левой – спальня родителей, в правой – столовая. Параллельно этим комнатам из коридора шли еще две двери – одна в комнату сыновей, другая – в кухню. И комната сыновей, и кухня – метров по двадцать. По другой стороне коридора, напротив гостиной – ванна (можно заблудиться) и туалет. С противоположной стороны – комната для прислуги и кладовка. Площадь можете прикинуть сами. Такая же квартира была у родителей Алика Павленко, чей отец был начальником службы безопасности ИАЭ. Я там тоже как-то был на ноябрьские праздники. С Юрой Щепкиным мы стали дружить. Кроме того, у нас были младшие братья. У Юры – Миша, у меня – Женя, ровесники. Иногда я брал Женю с собой, вчетвером гуляли, катались на лодке. Миша и Женя тоже одновременно поступили в МИФИ, учились на одном потоке, но в разных группах. Юра женился, уехал в Харьков, его следы потерялись. Квартиру после смерти родителей разменяли.

На втором, третьем и четвертом семестрах общую физику нам читал профессор И.В.Савельев – непререкаемый авторитет всесоюзного масштаба. Каждый год к нему съезжались преподаватели со всей страны для повышения квалификации. По его учебникам, по-моему, учатся до сих пор. Экзамены он принимал строго, но справедливо. Так вот, на третьем семестре я попал на экзамене к нему. Вышло небольшое недоразумение. Мне показалось, что в ответе на билет я что-то напутал. Поэтому ответ я скомкал. Он из меня ответ

вытянул – но было поздно. Я получил тройку. Ну и ладно (хотя знал на четверку – не хуже). Главное – не двойка (я вообще за все годы обучения ни одной двойки не получил).

Следующий, четвертый семестр, был последним по курсу Общей физики. Экзамен принимали два преподавателя: Наум Ильич Гольдфарб, который прекрасно вел у нас семинары по Общей физике все четыре семестра, и Вердеревская, которую я совсем не знал. Понятное дело, я пошел к Гольдфарбу – мы его любили и уважали. Ответил на вопросы билета я уверенно. Н.И. стал задавать вопросы – задачки. Одну, вторую, третью, четвертую. Я решаю. Наконец, не выдержав, спрашиваю Гольдфарба в лоб: «Наум Ильич, почему вы мне не хотите ставить пятерку?» «Вам в предыдущем семестре Савельев поставил тройку, а в диплом идет только последняя, то есть сегодняшняя оценка. Давайте-ка я Вам дам еще одну последнюю задачку». Я сел ее решать, и, благо груз ответственности надо мной не висел, довольно быстро ее решил. Наум Ильич взял задачку и подошел к Вердеревской: «Вы можете ее решить?» «Нет, не могу». «А он решил!» Гольдфарб поставил мне пятерку. Позже я узнал, что Савельев запретил преподавателям давать на экзамене эту задачу, считая ее слишком сложной!

Лучшим лектором на потоке по праву считался Д.А.Васильков, читавший лекции по математическому анализу и по аналитической геометрии. Маленького роста, одна нога сильно короче другой. Он носил специальные ортопе-

дические ботинки с одним, очень высоким каблуком (второй-обычный), и все равно сильно хромал. Он был необычайно строг. На лекцию входил точно по звонку. После него войти было нельзя. Требовал абсолютной тишины. Но читал лекции – заслушаешься. Ровным спокойным голосом, никогда не сбиваясь, ясно, четко и понятно, как будто бы с выражением просто читал книгу. По звонку обрывал лекцию на полуслове, но следующую начинал точно там, где остановился в прошлый раз. На экзамене был строг, но справедлив. Он много лет служил нам потом образцом преподавателя.

Очень импозантно выглядел лектор по начертательной геометрии Вальцгейфер в своем неизменном галстуке – бабочке. Читал он тоже неплохо. Только сама «начерталка» была нам не очень нужна, но на первом курсе мы этого еще не знали. Историю КПСС и прочие политнауки я упоминать не стану – скажу только, что знания по ним требовали от нас весьма снисходительно.

На втором курсе появился довольно сложный и, (как потом оказалось) абсолютно ненужный предмет – теоретическая механика (термех). Наука, ничего общего не имевшая с «механикой» Ландау и Лившица. Читал его профессор К.Н. Шевченко. Это была наука о движении различных механизмов со своими, весьма специфическими приемами решения задач на эти движения, безусловно, нужная инженерам – механикам для расчетов сложных механизмов. Утром в начале июня, вдруг из Западной Германии приехали родители

на своей шикарной машине – форд-таунусе. Командировка отца в ФРГ закончилась. Я собирался на экзамен по термеху. Бодрым голосом я им сообщил, что сегодня получу двойку. Они на это не очень среагировали, возбужденные приездом. Знал я термех из рук вон плохо, но не очень-то волновался, полагая, что когда-то это должно случиться. Взял билет. Кое-как ответил на вопросы. В билете была еще задача. Приемами термеха я решительно не владел, но оказалось, что она буквально в несколько строчек решается самым обычным способом. Касьян Никитич меня выслушал, покрутил головой над моим решением. Вроде бы задача решена, но совсем не так, как надо бы.

– То ли Вы знаете, то ли Вы не знаете...

Немного помолчал и ПОСТАВИЛ ТРОЙКУ!! Я был абсолютно счастлив. Никогда ни до, ни после, тройка не приносила мне столько радости. Сессия сдана без пересдачи, и родители приехали. Сколько же сразу всего хорошего!

Окончился второй курс. Вернулись родители. Жизнь заметно изменилась.

Но до этого после первого курса была целина. В 1958 году, по окончании первого курса, нас почти на два месяца отправили на целину. Мама, которая всегда приезжала из-за границы на все лето, собрала меня в дорогу: телогрейка, спальный мешок из ваты, что – то еще. Не так уж много, брать с собой много было не принято, и неприлично. Ехали мы в западный Казахстан, как выяснилось, не на уборку зерна,

а на уборку сена. Приехали на какой-то полустанок, нас погрузили в кузова полуторок и повезли на центральную усадьбу совхоза, или «централку». На централке разбили на две примерно равных группы, добавив к ним несколько девушек из московского медучилища. Нашей группе достался один парень – Коля, обе девушки, Соня и Римма, попали во вторую половину. Нашу половину снова погрузили на грузовик и отвезли на полевой стан, километров за 15 от централки.

Полевой стан – это вагончик типа плацкартного железнодорожного и большая армейская палатка, вместившая нас всех (разумеется, спали на земле в спальнях мешках) в голой степи. В вагончике жили тракторист Лукеш с беременной женой-поварихой. Работы были такие: к трактору прицеплялись механические полукруглые грабли с шириной захвата – метров десять. На граблях на металлическом сиденье восседал помощник тракториста. Перед трактором с такой же шириной захвата шли ножи, приводимые в движение от трактора. Они скашивали траву. Полукруглые грабли собирали скошенную траву в валки. Когда грабли наполнялись травой, помощник рычагом поднимал зубья, и трава сбрасывалась ровным валком. В возвышенных местах трава росла редко, валки набирались медленно. В немногочисленных низинах валки приходилось сбрасывать через несколько метров. Я подробно рассказываю об этом потому, что провел на граблях немало времени. В траве кишели гадюки. Они накалывались на грабли, и к вечеру мы на граблях обычно

привозили несколько гадюк. Палатку от гадюк мы окружали толстой лохматой веревкой. Это помогало – ни одна гадюка за все время к нам не заползла. На граблях я сидел недолго. Основную часть работы – скирдование – я выполнял вместе со всеми остальными ребятами.

Скинутые граблями валки сбивались тракторами в кучи по несколько ближайших валков. Из этих куч руками с вилами формировалась скирда – в идеале метров трех в ширину, метров 7—8 в длину и метров 2-х с половиной высотой. Эти скирды постепенно слеживались, и зимой их просто окружали по основанию канатом и волокли к коровнику. Вот и все.

Первую скирду мы ставили в восьмером в течение всего дня. Потом, глядя на нее, Лукеш долго хохотал. Недели через три мы уже вдвоем за день ставили две скирды. Поначалу очень болели руки, причем не столько мышцы, сколько пальцы. Утром просыпались со сжатыми кулаками. Разогнуть их не могли, одной рукой от другой отковыривали по одному пальцу. Вот и вся работа – две скирды – и домой. Реально с утра до вечера, с перерывом на обед. Ни завтрака, ни ужина я не помню, а обед забыть невозможно. Повариха знала только два блюда: что-то вроде щей с бараниной и каша с бараниной же. Для этой цели привозили на стан живого барана, при нас его резали, разделявали, и кормили нас до тех пор, пока в мясе не заводились личинки. Тогда мы скандалили, и нам привозили нового барана. Раз в две недели нас возили на централку мыться в бане. Пригонялась большая теле-

га, или арба. Набивалась сеном. В телегу впрягнулся трактор и вез нас на централку. Мы практически все курили. Ни сигарет, ни папирос не было, курили самокрутки с махоркой. В одну из поездок в сено попал клочок тлеющей махорки, арба загорелась. Мы-то все быстро выскочили, а арба сгорела. Хуже того, вокруг по степи стал во все стороны ползти огонь. Мы не успевали тушить. Тракторист быстро съездил на стан за плугом и опахал горящую арбу. Огонь был остановлен. От арбы уцелели две оси с колесами. На них положили бревно, мы уселись на него, как куры на насесте, и поехали дальше. На централке я ночевал у незнакомого, но гостеприимного тракториста. Спал я плохо – ворочался и чесался. Видал, как жена тракториста каждый час подходит к младенцу, спавшему в кроватке, и наклоняется над ним. Утром мы собирались на прудик на рыбалку ловить окуней. Я спросил тракториста, что его жена делала возле младенца всю ночь – «Клопов снимала».

Хотя кроватка стояла ножками в тарелках с водой, клопы нашли выход: они забирались на потолок над кроваткой и пикировали на ребенка. А говорят – «безмозглые насекомые!».

Вскоре нас отвезли на зерно. Урожай был плохим – колосок от колоска отстоял на десяток сантиметров. Но зато просторы! И на сене, и на зерне мы видели лишь бескрайнюю степь без единого деревца. На зерне нас поставили к бункерам комбайнов. Комбайн не только скашивал хлеб, но и очи-

щал зерна от плевел, и поэтому имел два бункера. В одном накапливалось зерно, которое ссыпалось в подъезжавшие машины, в другом – ость, которую надо было разравнивать вилами и сбрасывать полный бункер на землю. Вот у этих бункеров нас и поставили с вилами. Сразу стало нечем дышать. Ость забивалась в рот и в нос, вызывая кровотечения. Мы закрывали, как могли, лица майками, но это мало помогало. Кроме того, перед нами был железный бункер, а сзади – хилое ограждение. Почва была неровной, комбайн немилосердно швыряло. Короче, когда комбайны прибыли на стан, Алик Павленко не смог спуститься – ему разбило колени. Все были окровавлены. Мы взбунтовались и заявили, что завтра никуда не поедем. Поднялся хай. Приехал парторг совхоза. Выслушал нас, посмотрел и сказал: «Правильно ребята, нечего вам тут делать». И нас снова отправили на сено.

Наконец, закончилась наша целинная эпопея. Все остались живы-здоровы. Всем вручили по книжке с памятной надписью. (Тем, кто был на зерне, давали медали «За освоение целины»). Последний вечер на централке. Концерт. Мы, конечно, подвыпили, но не очень. Парторг сказал, что в этот год впервые обошлось без «шухера». На концерте я сел возле нашей единственной симпатичной девушки, Риммочки Горбман, и положил ей голову на колени. Она не возражала. На завтра мы сели в поезд в Москву. Риммочка вызвала меня в тамбур.

– Ты зачем вчера положил мне голову на колени?

Она мне нравилась, я стал бекать и мекать. Смущаясь и краснея, она вдруг сказала мне, что она в меня влюблена. Так начался наш короткий и довольно пустой роман, длившийся около двух месяцев, причем за это время мы даже ни разу не поцеловались! Приехали в Москву, началась обычная институтская жизнь, как будто бы целины и не было. Но было немного заработанных на целине денег – впервые я держал в руках деньги, заработанные своим трудом.

Еще на первом курсе мой приятель и почти однокашник Гена Бекетов (он кончил спецшколу №1 годом раньше) предложил мне поработать в факультетской радиогазете – фактически нас стало двое: он и я. Работа для меня хорошо знакомая и, можно даже сказать, любимая. Я никогда не стремился быть начальником, но любил независимость, а журналистика, даже самого низкого уровня, эту независимость в известной степени дает. На втором курсе он перешел на вечернее отделение, а я стал редактором. Конечно, надо мной был начальник из партбюро – уже известный вам Вадим Гридин. С ним часто в редакцию приходил Ю. Козырев, его друг, руководитель джаза МИФИ, помогавший мне в музыкальном оформлении передач. Я оставался редактором факультетской радиогазеты, стенгазеты, институтской радиогазеты до самого окончания института. Я писал заметки, я же исполнял роль диктора. Поэтому, когда Э. Проценко, ставшая редактором институтской радиогазеты, попросила меня дать интервью в качестве уже секретаря институтской ежегодной

научной конференции, я пришел в дикторскую практически с пустыми руками. Дал ей листочек с несколькими вопросами.

– А где ваши ответы?

– В голове.

У меня не было гипноза микрофона – я к нему давно привык. Поэтому я свободно отвечал без бумажки. Запись мы сделали с первого раза.

На втором курсе новых преподавателей было немного. Основные предметы – Общую физику и высшую математику читали те же лектора И.В.Савельев и Д.А.Васильков. О термехе я уже писал. Серьезная смена декораций произошла на третьем курсе. Появились курсы Теоретической физики (С.Т.Беляев – будущий академик, ректор Новосибирского университета), Атомной физики, Теории функций комплексного переменного, Уравнения математической физики и ряд других. Все курсы читали прекрасные лекторы. Один из разделов Теоретической физики (электродинамику сплошных сред) читал В.Г.Левич, член-корр. АН СССР, будущий президент АН Израиля. В Израиль он, как и многие его ровесники, уехал последним – вся его семья, его сыновья уже были там. Тогда уехал и он. Таких историй много. О Левиче ходила такая история: перед самой войной он защитил докторскую диссертацию. В войну документы потерялись. Тогда он махнул рукой, и написал новую, которую с блеском защитил. Я получил у него тройку, но мне не очень стыдно –

наука муторная и экспериментатору абсолютно не нужная. А то, что я не буду теоретиком, я уже понимал. А вот проверка по уравнениям математической физики – обидная. Я уверен, что был готов на «пятерку». Сдавал какому-то молодому аспиранту. Он задавал мне дополнительные вопросы до тех пор, пока я не ошибся. Я сам же и поправился, но было поздно – он с удовольствием поставил «четыре». В принципе, мне было все равно, но обидно.

Четвертый курс был еще интереснее и сложнее. Нам читали такие корифеи, как А.С.Компанеец, А.П.Цитович, И.А.Степаненко и другие. Курсов было много, по значительной части, поскольку число экзаменов не должно было превышать четырех, устраивались теоретические зачеты, иногда даже зачеты с оценкой (позже их запретили). По некоторым курсам вообще не было никаких учебников. По другим – сильно устаревшие. Нам же преподавали новейшую науку! Поэтому ко многим экзаменам мы готовились по конспектам. Одного конспекта было мало – слишком много пропусков и белых пятен. Собирались и готовились по 2—3 человека, дополняя конспекты друг друга. Особенно мне памятли лекции С.Я.Никитина по Экспериментальной ядерной физике. Дикция у него была так себе, каждое третье-четвертое слово сопровождалось мусорным «так сказать вообще». Слушали его с трудом, понимая необходимость. Но когда мы сели готовиться и сложили рядом конспекты, дополнявшие друг друга, то были восхищены глубиной, прозрач-

ностью и логикой материала. Это был высший класс! Это при том, что даже и намеков на учебники по этому предмету не существовало. Много позже вышел учебник К.Н.Му-хина – хороший, добротный. А все же в нем не хватало ка-кого-то Никитинского духа. Это не передать словами. Это живая речь.

В конце третьего курса я женился. Эта история имеет очень косвенное отношение к теме настоящей части, я по-дробнее расскажу об этом в разделе «семья». Интересно это пока только тем, что мне, как главе самостоятельной семьи, полагалась стипендия. С заявлением в руке я пришел в деканат. Секретарь деканата М.В.Гефтер, знавшая всех студен-тов, узнав об этом, долго хохотала и никак не могла успоко-иться. Действительно, было – то мне 20 лет, а выглядел я на 18, если не моложе! Тоже мне, глава семьи...

12 апреля 1961 года занятия у меня были во вторую сме-ну, а может, и вообще не было – нам уже давали свободный день. По привычке с утра зашел в радиорубку и по радио услышал: «Советский человек в космосе». Я побежал с этим известием прямо к ректору В.Г.Кириллову-Угрюмову.

– Включать громкоговорители по всему институту?

– Давай подождем до большого перерыва (где-то в 12 ча-сов). Ясно, что потом уж занятий не будет. А пока все запи-ши на пленку.

Все так и сделали. Какие уж занятия! Такого искреннего праздника, такого всеобщего ликования я больше никогда

не видел. Стихийная демонстрация, охватившая буквально всю Москву, состоялась на завтра. Я вообще охотно ходил на демонстрации по поводу революционных праздников. До Красной площади обычно не доходил, встречался где-то по дороге с друзьями. Но заряд хорошего настроения, какой-то особой приподнятости духа приобретал и чувствовал, что сегодня – действительно праздник!

Заканчивался четвертый курс. Я стал получать стипендию. Имело смысл получить ее побольше. Если в седьмом семестре в мою зачетку затесалась одна тройка, то в восьмом и девятом я стал получать одни «пятерки». Повышенная стипендия в 70 рублей – это уже были более или менее приличные деньги. Кстати, у меня уж не знаю, как, сохранилась зачетка, хотя ее полагалось сдавать. Так вот я подсчитал, за 9 семестров я получил 9 троек, причем за половину из них мне не стыдно – я большего и не хотел, считая предмет маловажным. Для МИФИ – не так уж плохо.

Начался УИР. И я попал на кафедру ЭМЯФ – Экспериментальные Методы Ядерной Физики. Все дальнейшие события описаны в разделе «кафедра».

КАФЕДРА

Говорят, (и вполне справедливо), что с возрастом память плохо держит недавно произошедшие события, зато в памяти всплывают события достаточно далекого прошлого. Я полностью согласен с этим утверждением.

Я проработал на кафедре (включая практику) в общей сложности почти шестьдесят лет. Я многое помню, но многое и забыл. Мои оценки героев этого повествования, я думаю, в некоторых случаях заметно отличаются от общепринятых. Ну что же, я имею право на свою точку зрения, тем более что кое – какие факты знаю только я один. Я уважаю и другие точки зрения – каждый видит окрестности со своей колокольни.

Я поступил в МИФИ в 1957 г. По окончании третьего курса все группы перемешивались, и формировались (по неизвестному мне принципу) новые – по кафедрам. Студентов никто ни о чем не спрашивал и ни о чем не информировал. Так я оказался в пятой группе, которая относилась к кафедре ЭМЯФ. Надо сказать, что в то время никакой информации ни о кафедрах факультета, ни об их специальностях студентам не давалось, так что даже само название «кафедра ЭМЯФ» я узнал на четвертом курсе, когда впервые пришел на кафедру на УИР (учебно-исследовательскую работу, на которую отводился один день в неделю).

А уж чем кафедра занимается и каких специалистов выпускает, я узнал гораздо позже. Фактически мое знакомство с кафедрой началось с февраля 1961. ЭМЯФ расшифровывалось как «Экспериментальные Методы Ядерной Физики». Кафедра преподавала студентам специальности «экспериментальная ядерная физика» методическую часть эксперимента – детекторы излучения, ядерную электронику, а позже и многое другое. Основана она была М.С.Козодаевым по личному указанию И.В.Курчатова в 1949 году. По-существу это было первое и главное отличие подготовки инженера-физика от просто физика.

Как я уже говорил, основное здание института располагалось тогда на ул. Кирова (сейчас Мясницкая) 21 в здании бывших масонских лож. Говорили, что из кабинета ректора по всему зданию идет потайной ход и через него можно попасть в любое помещение здания. Я этому верю, поскольку на кафедре за мастерской шла потайная лестница (довольно широкая) по всем этажам. Толщина стен в этом месте была более трех метров, (что впоследствии, возможно, спасло мне жизнь). Дверь на нее была всегда заперта, и я даже не знал о лестнице до самого переезда. В принципе об этой лестнице знали многие, но обычно все входы-выходы на нее были заперты. Помещения кафедры располагались в двух местах на третьем этаже здания. Коридор третьего этажа имел форму большой буквы «Г». На одном конце этой буквы располагалось большинство помещений кафедры и деканат факуль-

тета «Т», а на другом, на самом конце – научная лаборатория и отгороженная в ней кладовая. Называлось это помещение «периферия». Вот там я и провел практически все время до переезда кафедры. Эта отдаленность мало способствовала тому, чтобы быть в курсе всех текущих дел, да и должность моя – дипломник – не очень этому помогала. Впрочем, любопытством я никогда особо и не отличался. Быть может, поэтому мои воспоминания столь отрывочны.

Штатный состав кафедры был тогда невелик. Преподаватели (штат) – Калашникова В. И. – профессор, Ляпидевский В. К. — доцент, Гришкина Т. В., Климова Г. И., Финогенов К. Г. – ст. преподаватели. И два совместителя- проф. Козодаев М. С. и доцент Цитович А. П. — в то время известный в СССР специалист в области ядерной электроники. Инженеры – О. Гламаздина, О. Михайлов, И. Ободовский, Н. Волков. Механик (золотые руки!) А. Константинов. Лаборанты – М. Н. Колпакова, В. Сафонов, В. Барабанов, Е. Баштанов, В. Давыдов. Возможно, они не все были одновременно, но этого я не помню. Материально ответственная (хозяйка кладовки) - симпатичная девушка Раечка, занимавшаяся конным спортом.

Вообще-то за описываемый период материально ответственных сменилось много. На этой неинтересной и малооплачиваемой работе долго не задерживались. Помню, с год у нас работала интересная и солидная дама – знакомая Валентины Ивановны. Ее сменил довольно необычный человек

лет сорока-сорока пяти. Он был увлеченным рыболовом – любителем и фотографом. Практически каждый год все лето он проводил на рыбалке. На лето он обычно увольнялся, а на зиму снова устраивался куда-нибудь на работу. Таким образом, он к моменту появления на кафедре успел сменить десятка два-три мест работы. Вот и работая у нас, он на лето отправился на очередную рыбалку, но не уволился, а просто взял отпуск за свой счет. Отправился он не куда-нибудь, а на Таймыр, договорившись с кинодокументалистами, что они снимут фильм с его участием в качестве профессионального рыболова тайменей. Действительно, впоследствии вышел фильм под названием «чудовище таежного края» в основном о тайменях и о Таймыре. Осенью принес он на кафедру изрядный кусок соленого тайменя, который не произвел на нас большого впечатления. Вскоре рыболов в очередной раз уволился.

Возможно, еще кого-то из состава кафедры я уже забыл. Я перечислил только тех, кто работал на кафедре в момент моего появления, хотя, возможно, и не всех. С течением времени состав слегка менялся – кто-то уходил, кто-то приходил. Хотя из уволившихся почти сразу я помню только О. Михайлова – моего первого руководителя УИР (он ушел в Протвино на должность главного инженера ИФВЭ) и его жену О. Гламаздину. Да, и еще В. Сафонов перешел в Институт Теоретической и Экспериментальной физики (ИТЭФ). И кроме того существовал главный блюститель порядка зав. лаб.

В.М.Зайцев – гроза инженеров и лаборантов. При нем опоздать на работу или уйти раньше было немыслимо. Это правило касалось и меня, практиканта. Хотя он и наводил на нас шороху, человеком он в общем-то был не злым и не вредным и всегда входил в положение. Еще числился виртуальный и загадочный для меня аспирант М.С.Козодаева В. И. Ефременко. Работал он в ИТЭФ, на кафедре не появлялся (во всяком случае, я его не видел, но все-таки я работал на «периферии»). Впервые я его увидел, когда мы обмывали в доме моих родителей мой диплом, и он весьма охотно обмывал его вместе со всеми. Валентина Ивановна возлагала на него большие надежды, прочила в свои преемники. Он же, закончив аспирантуру, остался работать в ИТЭФ. Гораздо позже я с ним познакомился поближе (он уже был доктором наук и зав. Отделом ИТЭФ). Несколько лет (уже в начале 90-х) по моей просьбе он был председателем ГЭК кафедры.

В то время срок обучения в МИФИ составлял шесть лет, причем полтора года отводилось на преддипломную практику и диплом (что было весьма условно). Так что с осени 1961 г. я начал ежедневно работать на кафедре. Да, забыл упомянуть, что вначале я был распределен на УИР в ИТЭФ. Я и сейчас считаю ИТЭФ лучшим в России институтом в области физики элементарных частиц. Создан он был академиком Алихановым с задачами: 1) создание первого тяжеловодного реактора, 2) новая физика частиц. С первой задачей блестяще справились в кратчайшие сроки, но она не имела

продолжения – другой тип реактора (уран-графитовый) оказался более перспективным. Вторая задача не имеет конца, и успешно развивается в ИТЭФ и по сей день. Писать историю ИТЭФ – не моя задача, но я не мог об этом не упомянуть – это было место моего первого УИРа, основатель нашей кафедры М.С.Козодаев был зам директора ИТЭФ, да и сам я уже в двухтысячных был членом совета ИТЭФ по присуждению ученых степеней.

Но вернемся к УИРу. Задача меня не заинтересовала, а молодые сотрудники циклотронной лаборатории, в которую я попал, прямо говорили мне: «Уходи отсюда. Лаборатория бесперспективная, ее, скорее всего, скоро закроют». Я сказал об этом куратору нашей группы Т.В.Гришкиной, и она направила меня на кафедру к Олегу Михайлову. Помню я его плохо, да он и вскоре ушел, но впечатления о нем остались самые хорошие. Задача, которую он мне дал – разработать оригинальный запуск декатрона – специализированной 30-электродной газоразрядной лампы для счета электрических сигналов. Ничего очень оригинального у меня не вышло, а Михайлов вскоре уволился, и моим руководителем стал К.Г.Финогенов. Молодой, интересный (с него писали Афанасия Никитина), энергичный. Для меня лично начался очень интересный и не очень простой период – период начала педагогической и научной карьеры.

Как раз в это время на кафедре появилась хоздоговорная тема с Всесоюзным Аллюминиево – Магниевым институтом

(ВАМИ). Руководил ей Финогенов. Суть ее состояла в разработке сцинтилляционного гамма-спектрометра с сильным подавлением комптоновского фона. Спектрометр включал в себя сцинтилляционный детектор и многоканальный амплитудный анализатор. Мне было поручено разработать детекторную часть, а амплитудный анализатор решено было скопировать – изготовить по чертежам Минского института (причем Финогенов, уж не знаю на каких условиях, достал полный комплект принципиальных схем и рабочих чертежей). На этом анализаторе АМА-4С я остановлюсь позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.